

Ли Пинъань разобрался с младшими евнухами, а затем принялся обдумывать фигуру евнуха Суня.

— Приемные сыновья крестного отца расставлены по всем ключевым постам в Управлении императорской кухни. Очевидно, он использует их как своих соглядатаев, чтобы узнавать обо всем, что происходит, в тот же миг. Когда я обзаведусь приемными сыновьями, сделаю так же. Наберу десяток-другой, чтобы утром и вечером кланялись и справлялись о здоровье. Буду выглядеть куда внушительнее и важнее, чем этот Сунь-Живодер.

До прихода во дворец самым грозным человеком, которого встречал Ли Пинъань, был Сунь-Живодер. Этот тип бесчинствовал в деревне, всегда окруженный семьёй-восемью прихвостнями, и избивал любого, кто ему не приглянулся.

Пока он размышлял, подошел Сяо Хуэйцзы, заступивший на смену в Палату подачи блюд. Он достал из-за пазухи банкноту и почтительно протянул её:

— Господин Ань, вчера у меня при себе не было денег, сегодня принес подарок. Поздравляю вас с тем, что вы вошли в число приближенных главного управляющего Суня.

— Благодарю, премного благодарен.

Ли Пинъань принял банкноту и взглянул на номинал — десять лянов. Ни много, ни мало, как раз хватит на еще один му земли. Если дело пойдет так и дальше, за три-пять лет службы во дворце он накопит на сотни му, и его владения станут куда больше, чем у Суня-Живодера.

— Господин Хуэй, вы давно в Императорской кухне, позвольте спросить у вас кое-что.

Сяо Хуэйцзы ответил:

— Спрашивайте о чем угодно, я отвечу всё, что знаю.

Ли Пинъань кивнул:

— Мне нужно укрепить отношения с крестным отцом, а без доброго слова от Сяо Лянцзы тут не обойтись. Что вы о нем знаете?

Сяо Хуэйцзы огляделся по сторонам и прошептал:

— Сяо Лянцзы изначально работал на кухне, тесто месил. Не знаю, как он втерся в доверие к главному управляющему Суню, что тот поставил его дежурить у входа.

Ли Пинъань уточнил:

— А кто дежурил там раньше?

— Евнух Вэй, шестой приемный сын управляющего Суня. Все его приемные сыновья проходили через дежурство у дверей кабинета, говорят, это проверка на наблюдательность и стойкость характера.

Ли Пинъань вскинул бровь:

— Значит, я занял место Сяо Лянцзы?

— Не совсем так, скорее, просто отодвинули его на время, — подобострастно добавил Сяо Хуэйцзы. — Господин Ань, вы и впрямь выдающийся человек. В первый же день удостоились такой милости, что даже нарушили многолетние правила.

В глазах Ли Пинъаня мелькнула холодная решимость. Изначально он планировал расправиться с Сяо Лянцзы постепенно, но теперь понял — действовать нужно немедленно, пока тот не стал официальным приемным сыном крестного отца, иначе возникнут лишние сложности.

— Сяо Хуэйцзы, у тебя ведь есть счеты с Сяо Лянцзы, верно?

— От вашего пронизательного взгляда ничего не скроешь, господин Ань. — Сяо Хуэйцзы пожаловался: — Я три года служил в Палате подачи блюд, старался изо всех сил, чтобы угодить управляющему Суню, и когда успех был уже близок, в дело вмешался этот Сяо Лянцзы.

Ли Пинъань внимательно осмотрел его с ног до головы. На языке вертелся вопрос, не хочет ли тот отомстить, но в итоге решил, что лучше сделать всё самому. Доверять такие дела постороннему человеку, которого знаешь всего два дня, — верный способ провалиться. К тому же, кто знает, искренен ли Сяо Хуэйцзы или побежит доносить на него самому евнуху Суню.

Мысли Ли Пинъаня пронеслись молнией, и он прикрикнул:

— Что такое? Ты, паршивец, недоволен моим крестным отцом?

Сяо Хуэйцзы от страха, что у него подкосятся ноги, рухнул на колени, вспомнив, сколь жестоко евнух Сунь расправляется с людьми.

— Господин Ань, я предан и вам, и управляющему Суню всей душой!

— Я запомню твои слова. Посмотрим на твое поведение в будущем. — Ли Пинъань помрачнел.

— Что же до Сяо Лянцзы, то, когда он станет приемным сыном, мы с ним будем как родные братья, так что не смей затаивать на него злобу!

— Понимаю, господин Ань.

Сяо Хуэйцзы поспешно согласился, уже жалея, что пытался рассорить их. В этот момент кто-то подошел к Палате подачи блюд. Увидев Сяо Хуэйцзы, стоящего на коленях перед Ли Пинъанем с бледным от ужаса лицом, вошедший замер, а затем согнулся в поклоне:

— Поздравляю господина Аня! Вчера не принес денег, так что сегодня пришел исправиться!

Он достал из рукава банкноту. Изначально хотел отделаться пятью лянми, но, увидев такую сцену, невольно заменил их на десять. Ли Пинъань кивнул и принял подарок — еще один му земли в кармане!

Вскоре один за другим потянулись другие евнухи, почтительно поднося дары: кто три, кто пять, а кто и восемь-десять лянов. К полудню Ли Пинъань собрал более двухсот лянов. Взвесив в руке увесистую пачку, он остался не вполне доволен.

— Вчера я подсчитал, в Императорской кухне служит более сотни евнухов, а поздравили меня сегодня лишь шестьдесят с лишним...

Он решил присмотреться к тем, кто не принес подарок. Те, у кого были покровители или таланты, могли спать спокойно, но бездарности без связей придется преподать урок. Дело было не столько в деньгах, сколько в необходимости наказать одного для острастки остальных, чтобы его не смели ни во что ставить.

Днем дел не было, и Ли Пинъань нашел тихое местечко, сел в позу лотоса и принялся практиковаться. В этом было еще одно преимущество Палаты подачи блюд: работы всего на полтора часа в день, остальное время можно посвятить медитации, чтению и накоплению Истинной Ци.

Вечером Ли Пинъань во второй раз увидел императора У-дэ. В этот раз сердце не билось так бешено, как вчера. Поставив суп на стол, он спокойно отступил. Вскоре последовал приказ убрать посуду. Суп «Золотой нефрит для возвращения души» снова остался нетронутым — его вылили в печь для подношений.

— В этой печи сгорело еще двадцать му земли... — Ли Пинъань вздохнул, глядя на яркое пламя, и уважение к императору в его душе поубавилось еще на йоту.

...Прошло несколько дней.

В то утро Ли Пинъань, как обычно, встал ни свет ни заря, пока небо еще было серым. Сяо Фанцзы и остальные крепко спали, и он бесшумно вышел.

Когда он пришел в Императорскую кухню, дежурные евнухи уже были с ним знакомы. Особенно Сяо Хоуцзы, с которым Ли Пинъань, приложив усилия, стал почти не разлей вода.

— Опять ты так рано? — поприветствовал его Сяо Хоуцзы.

— Нужно успеть поклониться крестному отцу до того, как он начнет подавать завтрак, — ответил Ли Пинъань.

— Неудивительно, что ты в такой милости у евнуха Суня, такой сыновней почтительности мало у кого встретишь!

Перекинувшись парой слов, Ли Пинъань подошел к кабинету управляющего, где дружелюбно побеседовал с Сяо Лянцзы. Отец с матерью говаривали: тихая собака кусает больнее всего. Ли Пинъань свято верил в это правило: прежде чем расправиться с Сяо Лянцзы и Сяо Хоуцзы, нельзя было ссориться с ними, наоборот, следовало сблизиться. Тогда, когда с ними что-то случится, никто и не подумает на него.

В час кролика, перед подачей завтрака, Ли Пинъань вошел внутрь и отвесил поклон евнуху Суню:

— Сын пришел пожелать крестному отцу доброго здоровья...

Евнух Сунь расплылся в улыбке, он был крайне доволен этим приемным сыном:

— Сяо Аньцзы, вставай скорее. Я же говорил, не обязательно так рано подниматься.

— Сын не может позволить себе вставать позже крестного отца, это было бы верхом неприличия.

Смысл слов был прозрачен: это был камень в огород остальных приемных сыновей, которые дрыхли, пока крестный отец уже всю работу. Евнух Сунь, много лет прокрутившийся при дворе, прекрасно всё понял, но счел слова Ли Пинъаня разумными.

— Пинъань, я поручу тебе одно дело.

Ли Пинъань склонился в поклоне:

— Слушаю вас, крестный отец. Даже если прикажете идти сквозь огонь и воду, я и глазом не моргну.

— Хи-хи-хи... — евнух Сунь довольно усмехнулся. — Я бы не отправил тебя в огонь и воду. Поручаю тебе распоряжаться подачей блюд на новогоднем банкете. Более сотни перемен, народу много, дел невпроворот — смотри, не допусти ошибки.

Глаза Ли Пинъаня вспыхнули. Он снова опустился на колени и забил поклоны:

— Сын благодарит крестного отца за доверие!

<http://bllate.org/book/18511/1779145>